

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-209-227>

<https://elibrary.ru/ILDPTJ>

УДК 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Валентина СЕРГЕЕВА

ТОЛСТОЙ АМЕРИКАНСКИЙ И ТОЛСТОЙ БРИТАНСКИЙ: РЕЦЕПЦИЯ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация: Произведения Л.Н. Толстого, войдя в круг чтения англоязычной аудитории, воспитанной на классической европейской литературе, с самого начала стали предметом активного критического обсуждения. Британские и американские читатели знакомились с ними в иных условиях, нежели русские — разрозненная хронологическая последовательность публикаций, одновременное появление в печати художественных и философских сочинений Толстого, проблема культурного трансфера неизбежно фрагментировали его творчество, выхватывали его из контекста, заставляли воспринимать весь корпус произведений сквозь призму облика, который Толстой принял для иностранных читателей на рубеже веков. Помимо чисто языковых сложностей (необходимости перерабатывать, делать удобопонятными русские реалии), переводчики и критики сталкивались с задачей ввести произведения Толстого в круг тем и сюжетов, привычных англоязычному читателю. В англоязычную литературу Толстой вошел как воплощение реализма, но не грубо-натуралистичного, а нравственного и психологического, особенно в контексте дискуссии о романах Золя. Толстовский реализм сталкивался как универсальный, опирающийся на знакомые культурные и духовные ценности и потому особенно значимый, несмотря на всю экзотичность изображения; его воспитательное, преобразующее значение признавалось несомненным в эпоху споров об общественном устройстве, проблемах индустриального общества, отношениях мужчины и женщины и т. д., даже несмотря на несоответствие тем или иных эпизодов «викторианским» и «пури-танским» вкусам читателей.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, русский роман, реализм, перевод, культурный трансфер, рецепция.

Информация об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069, г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>. E-mail: yogik84@mail.ru.

Для цитирования: Сергеева В.С. Толстой американский и Толстой британский: рецепция конца XIX — начала XX вв. // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 209–227. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-209-227>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00450 «Целостность / фрагментарность: эстетика Л.Н. Толстого в философской критике и теории литературы первой трети XX в.» (<https://rscf.ru/project/23-28-00450/>)

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-209-227>

<https://elibrary.ru/ILDPTJ>

UDC 821.111(73).0+821.161.1.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Valentina SERGEEVA

AMERICAN AND BRITISH TOLSTOY: RECEPTION IN THE END OF THE 19TH—BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Abstract: L.N. Tolstoy's works, having been introduced to the English-reading audience, immediately became an issue of active critical discussions. British and American readers got acquainted with them differently than Russian ones — publications didn't follow the chronological order, his fictional and philosophical books appeared simultaneously; the process of cultural transfer inevitably fragmented his work, took it out of context, and the readers in Britain and the USA perceived Tolstoy's works in accordance with his image formed at the turn of the 19th–20th centuries. Besides the linguistic cultural barriers (it was necessary to work with Russian realities, facts of Russian life, make them clearer for foreign readers), translators and critics faced with other challenges — for example, they were to bring Tolstoy's work into the circle of topics and subjects familiar to the English — reading public. Tolstoy entered the English speaking culture as a symbol of realism, which however didn't mean hard naturalism, but rather ethical and psychological realistic writing, especially taking into account the ongoing discussion on Zola's novels. Tolstoy's realism was treated as a universal one, based on the well-known cultural and spiritual values and therefore especially significant in spite of the exotic subject matter of his works. The didactic nature of his work, its powerful moral appeal was obvious and strongly sought for in the period of heated argument about the social system, the problems of the industrial society, gender relations, etc., — despite the fact that some episodes were incompatible with Victorian or Puritan attitudes and tastes of his English-speaking readers.

Keywords: Leo Tolstoy, Russian novel, realism, translation, cultural transfer, reception.

Information about the author: Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>. E-mail: yogik84@mail.ru.

For citation: Sergeeva, Valentina. "American and British Tolstoy: Reception in the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries." *Literature of the Americas*, no. 16 (2024): 209–227. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-209-227>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 23-28-00450 "Wholeness / Fragmentation: L. Tolstoy's Aesthetics in Philosophical Criticism and Theory of Literature in the First Third of the 20th Century", <https://rscf.ru/en/project/23-28-00450/>

Пути переводов Л.Н. Толстого к читателям Британии и Америке на рубеже XIX — начале XX вв. имели определенные сходства. Эти переводы предназначались для аудитории, читающей на одном языке, имеющей общую культурно-историческую подоплеку и множество точек соприкосновения в литературном контекста (в частности, и британцы, и американцы читали В. Скотта, Ч. Диккенса, У.М. Теккерея, У. Уитмена, Э. По, Брет Гарта и др.). С другой стороны, социально-политические условия в Британии и США, разница актуальных тем и сюжетов, читательские ожидания, сформированные национальной литературой, требования критиков, принятая тональность прессы, общественные установки по части допустимого и приличного накладывали свой отпечаток на восприятие иностранной литературы, тем более такой «экзотической», как русская¹.

Толстой интересовался американской историей, культурой, традициями; он высоко ставил Генри Джорджа, автора «Прогресса и бедности» (1879), приветствовал выход «Хижина дяди Тома», переводил Генри Торо и труды аболициониста У.Л. Гаррисона, переписывался со священником Эдином Баллу, посвятившим жизнь проповеди непротivления, способствовал переселению в Америку русских духоборов и т. д. Как британские, так и американские писатели, журналисты, ученые посещали Толстого в Ясной Поляне; в 1907 г. Томас Эдисон прислал Толстому фонограф с просьбой записать обращение, «в котором была бы высказана какая-нибудь идея,двигающая человечество вперед в моральном и социальном отношении» [Переписка 1939: 332]. Вообще возможность лично пообщаться с мэтром русской литературы сыграла большую роль в популяризации Толстого и его «усвоении» на Западе. Трудно переоценить здесь вклад К. Гарнетт, которая много общалась с русскими эмигрантами, а также побывала в России и познакомилась с Толстыми; немало сделали Эйлмер и Луиза Мод и проч. Русские политические эмигранты, активно пропагандировавшие русскую культуру, в Британии представляли собой более значительную прослойку, чем в Америке (на рубеже веков «русские», т. е. жители Российской империи, включая поляков и евреев, составляли в Англии самую крупную иностранную диаспору). Тем не менее жили они и в США: там бывали С.М. Степняк-Кравчинский, М.А. Бакунин и другие деятели русского революционного движения; с 1870-х гг. в Америке существовал целый ряд революционных кружков, обществ

¹ О британской рецепции Толстого подробнее см.: [Сергеева 2023].

в поддержку русской политической эмиграции и земледельческих коммун, основанных выходцами из России [подробнее см., напр.: [Гросул 1994]. Одним из результатов поездки Степняка-Кравчинского в Америку стало создание «Общества друзей русской свободы», что способствовало интересу, в том числе, к русской «оппозиционной» литературе. В его организации приняли участие Марк Твен, У.Д. Хоуэллс, Л. Уаймен и ряд других общественных деятелей. Кроме того, во второй половине — конце XIX в. в США отношение к России было более позитивным, чем в Британии.

Американская литература в конце века переживала очередной виток романтизма (расцвет романтизма пришелся на 1830–1860-е гг.; У. Уитмен, одна из ключевых фигур американского романтизма второго поколения, умер в 1892 г., Г. Мелвилл — в 1891 г.). Неоромантики 1880–1990-х гг., отчасти продолжая традиции Вальтера Скотта, разрабатывают жанр приключенческого романа (romance), зачастую посвященного героическому прошлому страны (война за независимость, фронтир, освоение новых земель и т. д.). Продолжает развиваться тема особого пути Америки по сравнению со Старым Светом (что дает, в том числе, свои сюжеты для социально-критической литературы); обретает популярность жанр короткого рассказа (О. Генри, Брет Гарт, А. Бирс, Джек Лондон и др.), публикуемого в газете, как фельетон. Переход к реализму и натурализму, как и в Британии, сопровождается активной дискуссией вокруг французских образцов жанра, главным образом романов Золя. Первые переводы Золя были встречены массой негативных отзывов; для его «реабилитации» немало сделал У.Д. Хоуэллс (о его «крестовом походе» в защиту Толстого будет сказано ниже)².

В 1884 г. Г. Джеймс писал Хоуэллсу:

Они (французские натуралисты. — *B.C.*) создают сегодня единственный вид искусства, который я уважаю. Несмотря на их ожесточенный пессимизм, несмотря на то что они имеют дело с грязными сторонами жизни, они, по крайней мере, серьезны и честны³.

² Подробнее см.: [Goldfarb 1971]. Также см. отечественные фундаментальные труды, посвященные этой теме: [Николюкин 1987], [Николюкин 2003], [Мотылева 1978], [Толстой 1965].

³ *The Art of Criticism: Henry James on the Theory and the Practice of Fiction*, ed. by William Veeder and Susan M. Griffin. Chicago, University of Chicago Press, 1986: 184.

В том же году Хоуэллс посвятил французским натуралистам пространную критическую статью. В 1886 г. в журнале *The Literary World* была опубликована лекция профессора Гарвардского университета Дж. У. Дэвидсона, утверждающая гуманизм Золя и его роль в деле духовного преображения человека. Воспитательная роль реализма становится важной приметой дискуссий об этом направлении в США: «Ни один писатель не изобразил порок столь отталкивающим и постыдным, как это сделал Золя»⁴.

В британской критике Золя и Толстой обсуждались, скорее, в противопоставлении — реализм Толстого старались отделить от реализма французских писателей; английские обозреватели нередко старались подчеркнуть, что Толстой — не Золя, не Флобер и не Бальзак. Особо обращалось внимание на то, что реализм Толстого тесно связан с религией, что русский автор не ударяется в крайности, изображая жестокое или отвратительное. Он не затронут «странной слепотой души, которая делает неразличимой добродетель; они [Толстой, Достоевский, Тургенев и пр. — В.С.] не кладут порок под микроскоп, чтобы представить нам его чудовищно увеличенный образ»⁵. В американской же критике, в том числе благодаря работам Хоуэллса, много сделавшего для выработки определения реализма в литературе, речь шла, в большей мере, о «Толстом и Золя», чем о «Толстом vs Золя».

Критик и романист Джозеф Киркленд присоединился к Хоуэллсу как ярый противник романтизма в литературе, в 1886 г. опубликовав в журнале *Dial* статью о «Войне и мире». Он отметил, что автор дает превосходные картины русской жизни — вопрос лишь в том, «стоит ли тема холста» [Henson 1962: 78]. По мнению Киркленда, эти картины являли собой образцы фотографической точности, однако «автор реалистического романа [...] должен знать, что опустить. Много подробностей — хорошо. Слишком много подробностей — невыносимо» [Henson 1962: 78–79] (неудачными Киркленд, в частности, считал главы, посвященные масонам). Тем не менее, по мнению Киркленда, русские романы стали новой вехой в литературе.

Романтизм и реализм сошлись в смертельной схватке. Это их Ватерлоо — и вот на востоке появляется Блюхер с такой армией, которая

⁴ Edwards, Herbert. “Zola and the American Critics.” *American Literature* 4, no. 2 (1932): 114–129.

⁵ “Two Russian Realists.” *London Quarterly Review* LXX (1888): 57.

должна решить исход сражения в пользу реализма [...]. Фотографическая точность сцен — фонографическая буквальность диалогов — телеграфный реализм повествования — вот новые каноны литературы. [...] «Местный колорит» Толстого (когда он изображает патриарха и русских крепостных), несомненно, порой достаточно *наивен*, чтобы напомнить читателю простоту древнейшего повествования: когда Авраам сидел при входе в шатер свой, во время зноя дневного [Henson 1962: 79].

Фактическая точность и верная картина жизни — эти черты представлялись американским теоретикам реализма особо ценными в творчестве Толстого.

В конце XIX — начале XX вв. Л.Н. Толстой оказался самым читаемым из иностранных авторов в Европе и Америке. В 1905 г. автор заметки (вероятно, Уэллс) в британском журнале *Saturday Review* писал:

Двадцать лет назад Толстого практически не знали за пределами России. Мы помним, как беседовали о нем с одним первоклассным американским романистом, большим поклонником Тургенева; он сомневался, что люди признают первенство Толстого. Но кто же не слышал о Толстом сегодня? [Roberts 2019: 132].

Упомянутым в заметке романистом был, конечно, Генри Джеймс. Сомнения Джеймса были обоснованны: англоязычный мир познакомился с произведениями Толстого на рубеже 1870–1880-х гг., причем первые переводы выполнялись, как правило, с французских изданий, а не с оригинала (например, перевод «Войны и мира» Клары Белл 1886 г.). Тем не менее энтузиазм по отношению к Толстому в то время в Америке был даже сильнее, чем в Британии: в конце 1870-х гг. оказалось «втрое больше американских переводов, чем британских, и качеством они тоже, как правило, были выше» [May 1994: 17]. К 1889 г. в США вышло двадцать семь отдельных изданий романов и рассказов Толстого. В свою очередь, в Англии в начале 1890-х гг. было основано издательство “Brotherhood Publishing Company”, поставившее себе задачей распространение произведений Толстого и его последователей. В первое десятилетие XX в. вышли 86 английских изданий различных произведений Толстого и шесть собраний сочинений.

Не защищены были переводы и от некоторого произвола по разумению переводчиков. Так, Хантингтон Смит, в 1888 г. предпринявший издание «Войны и мира», сократил роман и разделил его на две части, оставив в одном томе сюжетные линии, а во втором — размышления Толстого об истории. Свой перевод (выполненный с французского издания) он озаглавил «Физиология войны» и пояснил, что Толстой «хочет сказать нечто важное, то, что стоит услышать, и мир доказал, что готов слушать»⁶. Также Смит перевел «В чем моя вера?», в предисловии обратив особое внимание на обличение пороков аристократии в творчестве Толстого, на столь важную для него тему безыскусной, нелицемерной добродетели и братства людей.

Первые переводы религиозно-философских сочинений Толстого появились одновременно с переводами «Войны и мира» и «Анны Карениной» и получили широчайшее распространение. Можно спорить о том, сделал ли Толстого столь популярным у англоязычных читателей исключительно литературный талант или политические соображения также (стереотипное представление о России как об отсталом деспотическом государстве, борьба Толстого с правительственным насилием и официальной религией). Однако перед читателями неизбежно встал вопрос, цитируя Х. Смита, «воспринять ли всерьез это красноречивое исповедание веры в самоотречение и братскую любовь, или его следует рассматривать лишь как прекрасную и мирную фазу на пути гения, который после бурной жизни, полной греха и страдания, вернулся к идеалам невинной юности»⁷.

Обоснованное предположение, что читатели уже знакомы с религиозными сочинениями Толстого, выражено в предисловии к переводу «Детства» и «Юности» И.Ф. Хэпгуд (что характерно, в этом же издании после «Юности» шел перевод Н.Х. Доула «Так что же нам делать?»):

Граф Лев Николаевич Толстой — несомненно, одна из самых интересных личностей нашего времени. Таким образом, все, что может пополнить наши знания о нем как о человеке, будет с радостью принято теми, кто уже познакомился с ним через его религиозные сочинения и через тех персонажей романов, которые отражают его самого. Эти

⁶ Smith, Huntington. "Translator's Preface." *The Physiology of War: Napoleon and the Russian Campaign*. New York: T.Y. Crowell & co., 1888: iv.

⁷ Tolstoy, Leo. *My Religion What I Believe*, trans. by Huntington Smith. New York: T.Y. Crowell & co., 1885: viii.

мемуары представляют особенный интерес, поскольку показывают, что многие идеи автора тридцатилетней давности в точности схожи с теми, которые он сам воплощает теперь в повседневной жизни. [...] Несомненно, эти мемуары отражают автора, его умственную и нравственную юность, это несомненно; но они не строго соотносятся с фактами в других отношениях и, таким образом, отвечают определению, которое дал им Толстой — «романы». Факты же следующие...⁸.

Тем не менее, несмотря на востребованность в лагере реалистов, путь Толстого в ранней американской рецепции вовсе не был безоблачным. Читать Толстого, буквально, оказалось трудно. Американский переводчик Натан Хаскелл Доул, выпустивший первый перевод «Анны Карениной» (1886), имел дело не с французским изданием, а с оригиналом, однако, с точки зрения критика из *New York Times*, перевод вышел трудночитаемый, непередаваемые русские слова напоминали «окаменелости» в «геологическом слое английского языка»⁹. Англоязычные переводчики повсюду сталкивались с одной проблемой: необходимостью передавать реалии русской жизни. Переводить ли их, адаптировать для удобства читателей или транслитерировать и снабжать комментарием? Кроме того, толстовские романы были объемны. Рецензия на «Анну Каренину», помещенная в *The New York Tribune*, гласила: «“Война и мир” и “Анна Каренина” вдвое длинней необходимого. Они скучны и усыпительно многословны»¹⁰. Статья 1889 г. в *The Kansas City Star* (ответ на вопрос юной читательницы, стоит ли браться за «Анну Каренину») тоже включала в число недостатков длину романа:

Читать «Анну Каренину» молодой леди стоит, если только ей больше нечего делать. Толстой писал для людей, у которых времени уж точно было в избытке, а не для деятельных и трудолюбивых молодых американок, которые часть дня проводят за уборкой и шитьем [Karthik 2022].

Автор статьи 1886 г. в *Boston Journal* также сетовал на длину романа, хотя и признавал, что «Анна Каренина» увлекательна «и ее

⁸ Tolstoy, Leo. *Childhood, Boyhood, Youth*, trans. by I. Hapgood. New York: T.Y. Crowell, 1886: iii. Далее следует пересказ биографии Толстого.

⁹ “A Russian Novel.” *New York Times* (April 4, 1886): 12.

¹⁰ “Tolstoi’s Last Books: A Lamentable Decline.” *New York Tribune* (March 4, 1888): 10.

можно прочесть, не отрываясь» [Karthik 2022]. Генри Джеймс в 1896 г. назвал Толстого «чудовищем, впряженным в свою великую тему — всю человеческую жизнь — как можно запряхь слона, но не в карету, а в каретный сарай»¹¹.

Толстой не только впечатлил, но и шокировал американских читателей. Романист Морис Томпсон в *Literary World* назвал его «богачом, который предпочитает жить в низменной грубости» и счел толстовские произведения «такими же грязными и непристойными, как худшие фрагменты уитменовских “Листьев травы”» [May 1994: 29]. Главным образом, как и в Британии, сомнения вызывали «Анна Каренина» и «Крейцера соната». Обозревателя *Kansas City Star*, в частности, обеспокоила тема самоубийства:

Что касается нравственной стороны книги, мы предположим, что американская девушка, у которой хватит терпения прочесть «Анну Каренину», обладает также и силой духа, чтобы справиться с ее далеко не блестящими выводами [Karthik 2022].

Критик осудил трагический финал романа в связи с тягостным впечатлением, которое эта сцена способна произвести на молодых читательниц; в целом, *Kansas City Star* не советовала женщинам читать «Анну Каренину». При этом такие толстовские идеи, как рациональное христианство, необходимость трудиться, проповедь воздержания (в том числе от спиртного), вполне согласовались с традиционной пуританской этикой; а вопросы психологии и сексуальности, особенно женской, нашли живой отклик у представителей либерального американского мейнстрима. Так, Элис Стокхэм (1833–1912) — врач-гинеколог, общественная деятельница, активно боровшая с проституцией — прислала Толстому свою книгу, посвященную женскому здоровью, а в 1889 г. посетила его в Ясной Поляне [подробнее см. напр.: Wilson 2016].

Пожалуй, ни один другой критик той эпохи не привлек в такой мере внимания американцев к великому русскому писателю, как У.Д. Хоуэллс. Творчество Толстого он освещал в рубрике “Editor’s Study” в журнале *Harper’s* с 1886 по 1892 гг. Фаворитами читающей публики были классики английского романа — Вальтер Скотт, Диккенс,

¹¹ James, Henry. “Ivan Tugenev.” *Library of the World’s Best Literature, Ancient and Modern*, ed. by Charles Dudley Warner. New York: R.S. Peale, J.A. Hill, 1897. Vol. XXV: 15059.

Теккерей; попытка включить в этот круг кого-то еще воспринималась с недовольством. В ответ на утверждение Хоуэллса, что Толстой превосходит Скотта, Морис Томпсон упрекнул коллегу за пренебрежение высокими идеалами, а профессор Чарльз Элиот Нортон сравнил его увлечение с корью: «Жаль, что, пока болезнь длится, его нельзя изолировать и не давать ему распространять заразу на страницах *Harper's*» [Lutwack 1952: 198]. Писатель и издатель Гораций Скаддер сурово осудил попытку Хоуэллса воздвигнуть «русского идола вместо наших природных божеств» — Скотта и Теккерей. Скаддер причислил Толстого к «изобразителям человеческой жизни, которые пользуются литературой как средством сообщать обществу свои нездоровые либо пессимистические взгляды»¹².

Заметим, что попытки проследить связи Толстого с классической англоязычной литературой время от времени предпринимались, но, скорее, на уровне личных предпочтений автора. Так, И.Ф. Хэпгуд, американская переводчица, работавшая с автобиографической трилогией Толстого и, в частности, посетившая в 1989 г. Ясную Поляну, подтвердила, что Толстой знал и ценил Диккенса, однако критически отзывался об остальных английских и американских авторах. Об определенном влиянии Диккенса на раннего Толстого стали говорить, в первую очередь, русские исследователи, но для англоязычных современников Толстого это, судя по всему, было неочевидно¹³.

Наконец, наряду с Хоуэллсом, на сцену выступили писательница С.П. Вулли и переводчик Н.Х. Доул, который, кроме того, составил биографию Толстого. Первые «адвокаты» Толстого также были убежденными реалистами. Критические статьи, посвященные Толстому, начали появляться в американских журналах все чаще. К середине 1890-х гг. Хоуэллс уже имел в своем распоряжении

¹² Scudder, Horace. "Mr. Howell's Literary Creed." *Atlantic Monthly* 68, no.4 (October 1891): 568.

¹³ Джордж Оруэлл в 1940 г. заметил, что сравнивать Толстого с Диккенсом нелепо, поскольку «у них разные намерения». «Охват у Толстого кажется гораздо шире, чем у Диккенса [...] и он как будто рассказывает вам больше о вас самих, потому что пишет о людях в развитии. Его персонажи стараются определиться, в то время как герои Диккенса уже завершены и безупречны. [...] Я сказал бы, что притягательность Толстого в перспективе будет, вероятно, шире, потому что Диккенс малопонятен за пределами англоязычной культуры; с другой стороны, Диккенс способен дотянуться до простых людей, чего не делает Толстой. Персонажи Толстого могут пересечь границу, Диккенса можно изобразить на пачке сигарет». Orwell, George. "Charles Dickens." In Orwell, George. *Inside the Whale and Other Essays*. London: Victor Gollancz, 1940: 79–80.

небольшую, но крепкую группу поддержки. К тому времени «за» Толстого высказались и молодые американские писатели, в том числе Т. Драйзер и Ф. Норрис.

В статьях Хоуэллса Толстой представал как образец реализма. В 1886 г. Хоуэллс начал с обсуждения «В чем моя вера?», однако признал, что предпочитает литературное творчество Толстого; в «Анне Карениной» и «Севастопольских рассказах» он отмечал их жизнеподобие и правдивое изображение действительности. В 1887 г. Хоуэллс сосредоточился на «Смерти Ивана Ильича», сравнив этот рассказ с шекспировской трагедией. «Его неумолимая мощь касается души и смиряет ее нравочением, которое редко проникает в нее извне»¹⁴. За непревзойденный реализм он отметил «Так что же нам делать?», подчеркнув, что, хотя русская жизнь и отличается от американской, Толстой способен разъяснить человеку любой нации истинный смысл милосердия. «У Скотта можно поучиться быть джентльменом, а Толстой учит нас быть добрыми людьми»¹⁵. Заверяя читателей, что в Америке не существует столь огромного разрыва между богатыми и бедными, Хоуэллс, тем не менее, предупреждал, что успокаиваться рано: следует стремиться к справедливости, «обращаясь к разуму и совести»¹⁶. Вооружившись взглядами Толстого, Хоуэллс бросал вызов социал-дарвинистам, а также сторонникам ненавистных ему романтических и сентиментальных вкусов в литературе; по мнению Хоуэллса, дарвинизм изображал бедность и страдание как должное, а романтизм отвлекал внимание от нужд обыкновенных людей. Флагманом реализма для Хоуэллса Толстого сделало внимание к «маленькому человеку», притом сочувственное.

Споры о реализме включали и дискуссии о соотношении произведений Толстого с американской действительностью. Обозреватели расходились во мнениях по поводу того, имеет ли Толстой смысл для американских читателей или изображение русской жизни для них непонятно. Так, обозреватель *Boston Journal*, отметивший исключительный реализм «Анны Карениной», оценил «всеобъемлющее изображение самых разных общественных типов, от крестьянина до

¹⁴ Howells, William Dean. "Editor's Study." *Harper's New Monthly Magazine* (Feb., 1887): 86.

¹⁵ Howells, William Dean. "Editor's Study." *Harper's New Monthly Magazine* (May 1889): 983.

¹⁶ Howells, William Dean "Editor's Study." *Harper's New Monthly Magazine* (Aug. 1887): 479.

министра» [Karthik 2022]. Этот реализм, по мнению критика, и делал роман понятным не только для русских читателей. Писательница и критик Х.Т. Грисволд в 1887 г. заметила:

Хотя этот русский роман, в первую очередь, национальное произведение, однако элементы, из которых складывается эта великая социальная трагедия, универсальны, и ее действие может происходить в любой части света¹⁷.

Автор статьи в *New York Tribune*, напротив, утверждал:

О персонажах [«Анны Карениной»] надлежит сказать, что они, вероятно, в точности передают натуру русского человека, но не имеют никакого сходства с нравами за пределами России¹⁸.

В целом, именно моральная тематика романов, поступки и мотивы персонажей, по мнению критиков, делали произведения Толстого доступными для иноязычной аудитории. Х.Т. Грисволд отметила, что история Анны Карениной вызывает «волнующий интерес», в частности благодаря теме воздания и уникальному ракурсу, избранному Толстым: «Не извне, как это сделал бы менее даровитый и оригинальный автор, а изнутри — грех карает сам себя...»¹⁹. Самоубийство Анны — «безжалостный реализм»²⁰, а трагический финал романа — неизбежное и естественное завершение истории героини, жертва, которой она может искупить свою вину. Статья в *Boston Journal* 1886 г. также отмечает нравственный реализм романа и уроки, которые можно извлечь из прочитанного.

Это была смертельная ошибка (решение остаться с Вронским. — В.С.) — ошибка, которая привела к созданию нерасторжимых уз и к жестокому возмездию, которое настигает всех, кто думает, что для них нет закона» [Karthik 2022].

¹⁷ Griswold, Hattie Tyng. “Retribution.” *The Universalist* (March 26, 1887): 1.

¹⁸ “Tolstoi’s Last Books: A Lamentable Decline.” *New York Tribune* (March 4, 1888): 10.

¹⁹ Griswold, Hattie Tyng. “Retribution”: 1.

²⁰ Ibid.

Обозреватель *Views and Reviews* (1890) положительно отозвался о методе Толстого, однако отметил, что тот изображает лишь социальные крайности, нетипичные для американского общества. В ответ на это Хоуэллс немедленно напомнил про «Смерть Ивана Ильича» — «очерк моральной слабости, конец жизни сноба, чистейшего представителя среднего класса, с его мещанским желанием казаться богатым и могущественным»²¹. Такое же универсальное изображение торжествующего филистера, с точки зрения Хоуэллса, представлял Каренин. В «Войне и мире» Хоуэллс высоко оценил решение Толстого описать «простого» Кутузова, а не величественного Наполеона; Кутузов представлялся критику фигурой, подобной Линкольну, и слова Толстого о Кутузове он сопоставил со стихотворением Дж. Р. Лоуэлла «Ода в День поминовения» (1865), посвященным памяти павших в Гражданской войне. И Толстой, и Лоуэлл, по мнению Хоуэллса, подчеркнули одни и те же качества своих героев: скромность, здравый смысл, стремление служить своей стране²².

Социальная критика, сатирическое изображение тщеславных и праздных богачей находили отклик в среде американских читателей. Американская аудитория познакомилась с переводами Толстого в ту эпоху, когда, с одной стороны, шел спор реализма с неоромантизмом, а с другой — бурно обсуждались насущные социальные вопросы. Деньги, ставшие идеалом, культ миллионеров, целесообразность устройства общества, ужасы индустриальной цивилизации — эти темы были близки и понятны читателям. В своих эссе (например, “The Country Printer”, 1893) Хоуэллс применяет идеи Толстого к американской действительности, обсуждая значение труда, гражданские права и свободы, проблему плутократии, место и роль художника, вынужденного становиться «бизнесменом» ради заработка. Однозначно не нашли сочувствия идеи Толстого, касающиеся семьи и брака; семейные узы в викторианской и околотовикторианской культуре оставались святыней, и Хоуэллс не принял приговор браку, вынесенный Толстым в «Крейцеровой сонате».

Соотношение дидактики и художественности в творчестве Толстого беспокоило американских критиков, как и британских. Хоуэллс писал:

²¹ Howells, William Dean. “Editor’s Study.” *Harper’s New Monthly Magazine* (Oct. 1890): 803.

²² Howells, William Dean. “Editor’s Study.” *Harper’s New Monthly Magazine* (May 1888): 966.

Когда Толстому надоедает быть художником, и он становится учителем, он сам лишает себя большей части творческой силы, только благодаря которой и можно узнать себя в других²³.

Однако юмор, ирония, любовь к людям, достоверность всех персонажей, как исторических, так и вымышленных, для Хоуэллса и его последователей всегда оставались главными свойствами Толстого; мотивы писателя представлялись искренними и достойными подражания, даже если его поступки вызывали сомнения. Во время поездки по Америке в 1899 г. Хоуэллс прочел цикл лекций «О написании и чтении романов», в котором, вновь отвергая романтическое как лживое, назвал роман проверкой на знание автором жизни. По сути, Толстой служил выработке стандартов при определении писателя-реалиста: автор должен быть предельно честен; он должен «сделать свою историю как можно достовернее [...] и не должен отстраняться ни от каких сторон жизни по той причине, что они глупы или грязны»²⁴; кроме того, он обязан наставлять читателей. В 1900-х гг. Хоуэллс увлекался психологией; психологическую достоверность он стал включать и в перечень требований к писателям-реалистам.

Попытки создать текст, понятный англоязычному читателю, можно проследить по созданным в Британии и Америке переводам «Воскресения», Два первых вышли на рубеже XIX–XX вв., когда репутация Толстого как писателя и мыслителя в англоязычном мире была очень высока. Это были переводы Лео Винера, преподавателя славянских языков в Гарвардском университете, и Луизы Мод. В 1920 г. вышел перевод Арчибальда Дж. Вольфа. Переводы Винера и Вольфа были подготовлены в США и, в первую очередь, предназначены для американских читателей; кроме того, все три переводчика были вынуждены иметь дело не с полным текстом романа, а с вариантами, прошедшими так или иначе предварительную русскую цензуру. Эти издания отражают разные методы работы с русскими реалиями — в частности, неизбежный выбор между переводом, комментирующим пересказом и транслитерацией. Хотя некоторые слова (вроде *kossack*, *knout*, *rouble*) уже были известны англоязычной аудитории, многие вещи требовали пояснений. Так, выражение «у него два двугривенных

²³ Howells, William Dean. *My Literary Passions*. New York: Harper and Brothers, 1895: 256.

²⁴ Howells, William Dean. “Novel-Writing and Novel-Reading.” *Bulletin of the New York Public Library*, no. 62 (January 1958): 21.

жалованья» у Л. Мод выглядит как “he has a salary of twice twenty kopecks”²⁵. Л. Винер предлагает американизированный вариант: “he gets about two dimes of salary” [Holman 1983: 133], а А. Вольф, отступив от внешней формы в сторону смысла, пишет: “he has a bare pittance of a salary”²⁶. Слово «иконы» Лео Винер и А. Вольф перевели как *images*, Л. Мод как *icons*. Вольф предпослал своему переводу «Ключ к русским фамилиям в “Воскресении”», где перечислил имена и фамилии персонажей, в некоторых случаях приведя этимологию. Но, например, объяснив разницу в употреблении форм имени «Екатерина», переводчик никак не пояснил смысл фамилий «Богодуховская» или «Набатов».

Уменьшительные имена широко используются в русском языке; некоторые из них логичны не более, чем Джим (Джеймс) и Бесси (Элизабет). Уменьшительными именами называют детей, но также пользуются ими в знак презрения или гнева. Разные степени привязанности также требуют разных уменьшительных форм. Так, «Катя» — простонародное и вообще нейтральное уменьшительное, «Катенька» — чуть более ласковое, «Катюша» — несколько отстраненное, а «Катька» — очень грубое. Нечто подобное мы наблюдаем в именах «Майк» и «Мик»²⁷.

Н.Х. Доул к своему переводу «Анны Карениной» (1886) приложил словарь, включающий около 120 русских слов и выражений. Переводчик создает в речах героев своего рода русско-английский жаргон (*ish-tui; da, vot; glian-ka*); при этом он регулярно исключает целые диалоги, опускает детали, связанные с сексом, деторождением и беременностью. Так, фраза «жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой» у Доула выглядит как “The wife had discovered that her husband was too attentive to the French governess”²⁸. Переводчик пояснил свой метод так:

²⁵ Tolstoy, Leo. *Resurrection*, trans. by L. Maude. New York: T.Y. Crowell, 1899: 245.

²⁶ Tolstoy, Leo. *Resurrection*, trans. by Archibald J. Wolfe, in 2 vols. Vol. 2. New York: International Book Publishing Company, 1920: 365.

²⁷ *Ibid.*: iv.

²⁸ Tolstoy, Leo. *Anna Karenina*, trans. by Nathan Haskell Dole. New York: Thomas Y. Croywell & Co, 1886: 5.

В некоторых сценах реализм даже слишком велик для наших пуританских вкусов; потому ряд эпизодов в данном переводе был более или менее изменен. Чтобы сохранить по мере возможности русский колорит, употребляются многие характерные русские словечки, вместе с пояснением...²⁹.

Переводчики «Воскресения» также в ряде случаев транслитерировали понятия: *izvoztchik* у Л. Мод, с комментарием («московский эквивалент кэбмена») ³⁰, у А. Вольфа — *drivers*; у Л. Мод *mestchánka* с пояснением «низшее сословие в городе, соответствующее крестьянину в деревне» ³¹ (у нее же — *artelshik*, *koulitches*, *paskas*, *traktir*), у Вольфа — *townswoman*.

Те же вопросы вставали и перед переводчиками, бравшимися за автобиографическую трилогию Толстого (в США — И.Ф. Хэпгуд, 1886; Н.Х. Доул, 1898–1900; Л. Винер, 1904; Ч.Д. Хогарт, 1912). Так, Хогарт избегает излишней транслитерации; «дядька» назван *uncle*, с примечанием переводчика в скобках: «Так дети в России часто называют старых слуг» ³², «армяк» — *coat*; записка Карла Ивановича прокомментирована: «Соль шутки состоит в том, что записка написана плохим русским языком, в ней перепутаны единственное и множественное число, предлоги и т. д.» ³³. У Хэпгуд — *dyadka Nicolai* (с примечанием: слуга, который ходит за детьми) ³⁴, *bolschak* — «старший в семье, в деревне или в религиозной общине» ³⁵, *lineika* — «род повозки с четырьмя сиденьями» ³⁶ и т. д. В целом, можно отметить, что в Америке переводческие стратегии обсуждались более активно и открыто, чем в Британии — в журнальных статьях и предисловиях к произведениям, вплоть до выбора конкретных форм слов (следует писать *Katusha* или *Katiusha*, *rud* или *poud* и т. д.).

²⁹ Ibid.: vi–vii.

³⁰ Tolstoy, Leo. *Resurrection*, trans. by L. Maude. New York, T.Y. Crowell, 1899: 4.

³¹ Ibid.: 35.

³² Tolstoy, Leo. *Childhood*, trans. by C.J. Hogarth. <https://www.gutenberg.org/files/2142/2142-h/2142-h.htm>

³³ Ibid.

³⁴ Tolstoy, Leo. *Childhood. Boyhood. Youth*, trans. by Isabel B. Hapgood. New York, T.Y. Crowell, 1886: 5.

³⁵ Ibid.: 21.

³⁶ Ibid.: 24.

Итак, восприятие Толстого (в том числе, трудами Хоуэллса и его коллег) во многом шло через выработку общих критериев реализма; однако в ряде случаев этот реализм, при всех своих достоинствах, казался слишком сильным «для пуританских нравов». С другой стороны, пуританская этика способствовала сочувственному восприятию проповеди честного труда и умеренности; американская критика особенно останавливалась на воспитательной роли книг Толстого, на поднимаемых им вопросах нравственности. Неизбежная фрагментарность, дробность толстовского творчества вызывалась и хронологическими причинами (в Америке, как и в Британии, философские произведения Толстого одновременно, а иногда и раньше, чем художественные, оказались доступны читателям; позднейшая биография Толстого служила призмой для анализа его ранних текстов и т. д.), и переводческими сложностями (необходимостью не только искать пути передачи реалий, но «встраивать» проблематику русского романа в американские нравы). Американские переводчики оказались перед дилеммой — создать обезличенный, удобный для чтения текст (или вообще пересказ) либо иметь дело с «монстром». Те же, что и в Британии, произведения Толстого в США вызывали интерес или, наоборот, резкую критику, что было связано, несомненно, с общностью культурного контекста у американских и английских читателей, их во многом совпадающими литературными ожиданиями, сформированными классиками англоязычного романа XIX в.

Толстовский реализм воспринимался двояко: с одной стороны, он превозносился за достоверность и точность изображаемого, однако реалистически переданные картины русской жизни могли при этом казаться слишком странными; избыточная бытовая «фотографичность» компенсировалась реализмом нравственным и психологическим. Успех Толстого в Америке пришелся на эпоху, которую Марк Твен назвал «позолоченным веком» — период с конца 1870-х до начала 1900-х, время быстрого экономического роста, особенно на севере и западе США. Сходные процессы переживала и Россия после крестьянской реформы; отчасти это отразилось в увлечении трудами американских экономистов и социологов, в частности Генри Джорджа.

Можно сказать, что Россия и США друг для друга были одинаково экзотичны. Америка в русской культуре воплощала приключения, неограниченные возможности, нетронутую дикую природу; недаром сюжет «побега в Америку» был так популярен. Для американской аудитории, в свою очередь, «русский писатель» неизбежно оставался

представителем диковинной страны, пускай и обладающей определенными сходствами с Америкой (большая территория, необходимость много и тяжело трудиться на земле, быстрый промышленный рост). Восприятие Толстого в США в конце XIX — начале XX вв. в целом было сходно с британским, хоть и с поправкой на некоторые местные тенденции. Читатели, воспитанные на европейской литературе, хотели видеть не столько экзотические реалии русской жизни, сколько узнаваемые проблемы и образы, привычные константы нравственности, знакомые ценности. «Локальный» реализм Толстого должен был стать универсально понятным.

ЛИТЕРАТУРА

Гросул 1962 — *Гросул В.Я.* Российская политическая эмиграция в США в XIX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 49–69.

Мотылева 1978 — *Мотылева Т.Л.* «Война и мир» за рубежом: переводы, критика, влияние. М.: Сов. писатель, 1978.

Николюкин 1987 — *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987.

Николюкин 2003 — *Николюкин А.Н.* Лев Толстой и Америка его времени // О русской литературе. Теория и история. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 158–180.

Переписка 1939 — Переписка Толстого с Т. Эдисоном / публ. А. Сергеевко // Л.Н. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1939 («Литературное наследство». Т. 37/38). Кн. II. С. 330–338.

Сергеева 2023 — *Сергеева В.С.* Британская рецепция творчества Л.Н. Толстого в преддверии «русского бума» 1910-х // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 4. С. 88–107.

Толстой 1965 — Толстой и зарубежный мир: в 2 кн. / ред. С.А. Макашин. М.: Наука, 1965 («Литературное наследство». Т. 75).

REFERENCES

Goldfarb 1971 — Goldfarb, Clare R. “William Dean Howells: An American Reaction to Tolstoy.” *Comparative Literature Studies* 8, no. 4 (1971): 317–337.

Grosul 1994 — Grosul, Vladislav Ya. “Rossiiskaia politicheskaia emigraciia v SShA v XIX veke” [“Russian Pémigration into the USA in the 19th Century”]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2 (1994): 49–69. (In Russ.)

Henson 1962 — Henson, Clyde E. *Joseph Kirkland*. New York: Twayne Publishers, 1962.

Holman 1983 — Holman, Michael J. de K. “L.N. Tolstoy’s Resurrection: Eighty Years of Translation into English.” *The Slavonic and East European Review* 61, no. 1, Kiev Congress Papers (Jan. 1983): 125–138.

Karthik 2022 — Karthik, Medha. “Reviews of Anna Karenina.” *Unsuitable. Conversations about women, history & popular fiction* (2022). <https://sites.duke.edu/unsuitable/reviews-of-anna-karenina/>

Lutwack 1952 — Lutwack, Leonard. “William Dean Howells and the ‘Editor’s Study’.” *American Literature*, no. 24 (June 1952): 195–207.

May 1994 — May, Rachel. *The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1994.

Motyleva 1978 — Motyleva, Tamara L. “*Voina i mir*” *za rubezhom: perevody, kritika, vliianie* [“*War and Peace*” *Abroad: Translations, Criticism, Influence*]. Moscow: Sovetskii pisatel’ Publ., 1978. (In Russ.)

Nikoliukin 2003 — Nikoliukin, Aleksandr N. “Lev Tolstoi i Amerika ego vremeni” [“Leo Tolstoy and America of his time”]. *O russkoi literature. Teoriia i istoriia* [On Russian literature. Theory and history], 158–180. Moscow: INION RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Nikoliukin 1987 — Nikoliukin, Aleksandr N. *Vzaimosviazi literatur Rossii i SShA: Turgenev, Tolstoi, Dostoevskii i Amerika* [Interconnections of Russian and American Literatures: Turgenev, Tolstoy, Dostoyevsky and America]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russ.)

Perepiska 1939 — “Perepiska Tolstogo s T. Jedisonom” [“L. Tolstoy — T. Edison’s correspondence”], edited by A. Sergeenko. In *L.N. Tolstoi*. Book 2, 330–338. Moscow: AN SSSR Publ., 1939. (In Russ.)

Roberts 2019 — Roberts, Adam. *H.G. Wells: A Literary Life*. Berlin: Springer Nature, 2019.

Sergeeva 2023 — Sergeeva, V.S. “British Reception of L.N. Tolstoy’s Works in the Threshold of ‘Russian Boom’ of the 1910s.” *Studia Litterarum* 8, no. 4 (2023): 88–107. (In Russ.)

Tolstoi 1965 — *Tolstoi i zarubezhnyi mir: v 2 kn.* [Tolstoy and the world abroad. In 2 books], edited by S.A. Makashin. Moscow: Nauka Publ., 1965. (In Russ.)

Wilson 2016 — Wilson, Jennifer. “The Revolution Will Not Be Consummated: The Politics of Tolstoyan Chastity in the West.” *The Slavic and East European Journal* 60, no. 3 (2016): 494–511.

© 2024, В.С. Сергеева

Дата поступления в редакцию: 09.01.2024

Дата одобрения рецензентами: 22.04.2024

Дата публикации: 25.06.2024

© 2024, Valentina S. Sergeeva

Received: 09 Jan. 2024

Approved after reviewing: 22 Apr. 2024

Date of publication: 25 Jun. 2024